

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-48-66

УДК 091

Фрагмент В 115 D-K Эмпедокла: к вопросу о принадлежности к «Физике»*

Магомедов Гамид Абдулганиевич,
*аспирант Института философии и права
Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1*
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6936-7692>
vikont.feed@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена решению одной из ключевых текстологических проблем в наследии Эмпедокла – локализации фрагмента В 115 D-K, содержащего учение о вине, изгнании и перевоплощениях даймона. Оспаривая устоявшуюся со времен Дильса атрибуцию данного фрагмента к поэме «Очищения», автор предлагает его новое прочтение в контексте «Физики». На основе анализа внутренней аргументации стихов Эмпедокла доказывается, что самопрезентация философа как страдающего и виновного даймона во фрагменте В 115 логически и содержательно несовместима с его образом почитаемого бессмертного бога во фрагменте В 112, традиционно открывающем «Очищения». Это сопоставление является решающим аргументом против принадлежности обоих фрагментов одной поэме. Анализ свидетельств древних авторов (Имподита, Симпликия, Плутарха) показывает, что они не дают однозначных оснований для атрибуции фрагмента В 115, в то время как данные Страсбургского папируса подтверждают наличие темы личной вины и страдания в первой книге «Физики». На этом основании предлагается рассматривать фрагмент В 115 как часть пространного пролога к «Физике», где личный опыт философа-даймона служит отправной точкой для изложения универсальных космологических принципов.

Ключевые слова: Эмпедокл; демонология; даймон; «Физика»; «Очищения»; Страсбургский папирус; палингенез; самопрезентация; фрагмент В 115; античная философия.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00141.
URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00141/>

Fragment B 115 D-K of Empedocles: On the Question of Its Belonging to Physics*

Gamid Magomedov,

Postgraduate Student,

Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University,

1 Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6936-7692>

vikont.feed@yandex.ru

Abstract

This article addresses one of the key textual problems in Empedocles' legacy: the localization of fragment B 115 D-K, which contains the doctrine of guilt, exile, and the reincarnation of daimon. Challenging the attribution of this fragment to the poem "Purifications," which has been established since Diels, the study offers a new interpretation of it in the context of "Physics." Based on the analysis of the internal argumentation of Empedocles' verses, it is proven that the philosopher's self-presentation as a suffering and guilty daimon in B 115 is logically and substantively incompatible with his image as a revered immortal god in fragment B 112, which traditionally opens the "Purifications." This comparison is a decisive argument against their belonging to the same poem. An analysis of the evidence from ancient authors (Hippolytus, Simplicius, Plutarch) shows that they do not provide clear grounds for attributing B 115, while the data from the Strasbourg papyrus confirm the presence of the theme of personal guilt and suffering in the first book of Physics. On this basis, it is proposed to consider fragment B 115 as part of an extensive prologue to Physics, where the personal experience of the philosopher-daimon serves as a starting point for the exposition of universal cosmological principles.

Keywords: Empedocles; demonology; daimon; Physics; Purifications; Strasbourg Papyrus; palingenesis; self-presentation; fragment B 115; ancient philosophy.

Библиографическое описание для цитирования:

Магомедов Г.А. Фрагмент В 115 D-K Эмπεδοκλα: к вопросу о принадлежности к «Физике» // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 1. – С. 48–66. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-48-66.

Magomedov G. Fragment B 115 D-K of Empedocles: On the Question of Its Belonging to Physics. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 1, pp. 48–66. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-48-66.

* The study was funded by the grant from the Russian Science Foundation no. 25-18-00141. Available at: <https://rscf.ru/project/25-18-00141/>

Введение

Со времен Дильса [3] в изучении наследия Эмпедокла утвердилась дихотомия, разделившая его корпус на две поэмы: «Физику», посвященную космологии и учению о четырех «корнях», и «Очищения», содержащие религиозно-эсхатологическое учение о даймонах и палингенезе. Фрагмент В 115 D-K, повествующий о вине, изгнании и перевоплощении даймона, был прочно закреплен за «Очищениями». Эта атрибуция, подкрепленная авторитетом Дильса и последующими исследователями, в частности работами О'Брайена [8, 9], долгое время считалась незыблемой.

Однако во второй половине XX века сложившийся консенсус был поставлен под сомнение. Исследование Ван дер Бена¹ впервые предложило рассматривать некоторые «демонологические» фрагменты как часть «Физики» (в частности, В 139 D-K), которые традиционно относили к «Очищениям» и которые затрагивают личные темы вины и страдания философа. Тем не менее вопрос о локализации В 115 D-K оставался открытым, а позиция О'Брайена о его принадлежности к «Очищениям» продолжала оказывать значительное влияние.

Настоящее исследование предлагает новый подход к решению этой проблемы. В отличие от предшествующих работ, делавших акцент преимущественно на внешних свидетельствах, мы исходим из анализа внутренней аргументации самих стихов Эмпедокла. Центральным для нас является сопоставление самопрезентации философа во фрагменте В 115 D-K и во фрагменте В 112 D-K, который с высокой степенью надежности считается вступлением к «Очищениям». Цель статьи – доказать, что образ страдающего и виновного даймона, каким предстает Эмпедокл в В 115 D-K, логически несовместим с его образом прославленного бессмертного бога в В 112 D-K, что исключает возможность их принадлежности к этой поэме. На основании этого, а также с привлечением данных Страсбургского папируса и критического анализа свидетельств древних авторов (Ипполита, Симпликия, Плутарха) будет обоснована принадлежность фрагмента В 115 D-K к поэме «Физика».

Вина и судьба даймона

Учитывая фундаментальную важность *ipsissima verba*, составляющих фрагмент В 115 D-K, для правильного толкования истории вины и судьбы даймона необходимо начать наше рассуждение именно с анализа стихов

¹ То, что этот фрагмент составлял начало «Физики», считалось достоверным еще Стурцем [16], Карстеном [6], Бергом [1] и Муллахом [7]. Ван дер Бен был первым, кто радикально выступил против основного принципа, лежащего в основе отнесения фрагментов к тому или иному произведению Эмпедокла, согласно которому основной темой «Очищений» была именно «демонология», которая теперь, по мнению ученого, находила свое место в физическом произведении.

данного фрагмента. Это самый важный и самый известный отрывок о даймонах, который восстанавливается на основе многочисленных, но неполных цитат древних авторов:

ἔστιν Ἀνάγκης χῆμα, θεῶν ψήφισμα παλαιόν,
 αἰδίων, πλατέεσσι κατεσφρηγισμένον ὄρκοις
 εὐτέ τις ἀμπλακίησι φόνωι φίλα γυῖα μίηνη
 <νεϊκεῖ θ’> ὅς κ(ε) ἐπίορκον ἀμαρτήσας ἐπομόσση,
 δαίμονες οἶτε μακραίωνος λελάχασι βίοιο,
 τρίς μιν μυρίας ὥρας ἀπὸ μακάρων ἀλάησθαι,
 φουμένους παντοῖα διὰ χρόνου εἶδεα θνητῶν
 ἀργαλέας βιότοιο μεταλλάσσοντα κελεύθους.
 αἰθέριον μὲν γάρ σφε μένος πόντονδε διώκει,
 πόντος δ’ ἐς χθονὸς οὐδας ἀπέπτυσσε, γαῖα δ’ ἐς αὐγὰς
 ἡελίου φαέθοντος, ὁ δ’ αἰθέρος ἔμβαλε δίναις
 ἄλλος δ’ ἐξ ἄλλου δέχεται, στυγέουσι δὲ πάντες.

τῶν καὶ ἐγὼ νῦν εἰμι, φυγὰς θεόθεν καὶ ἀλήτης,
 Νεϊκεῖ μαινομένωι πίσυνος (цит. по [3]).

Есть оракул Необходимости, древний указ богов
 вечный, укрепленный обширными клятвами:
 если кто-то по ошибке осквернит свои члены кровью
 и, сопровождая Вражду, принесет ложную клятву,
 то они, как даймоны, которым выпала доля долгой жизни,
 трижды по десять тысяч сезонов будут блуждать вдали от блаженных,
 возрождаясь с течением времени в многочисленных формах смертных
 существ,

меняя мучительные пути жизни.

Порыв эфира гонит их в море,

а море выплевывает их на спину земли, а земля в лучи

сияющего солнца, а солнце в вихри эфира:

одни принимает их от другого, но все их ненавидят;

и я теперь тоже один из них, изгнанный богами и блуждающий,

за то, что доверился безумной Вражде².

Фрагмент 115 D-K – один из самых цитируемых из всего корпуса текстов Эмпедокла, как античными авторами, так и доксографами. Чтобы получить представление о том интересе, который он вызвал, достаточно взглянуть на индекс авторов, составленный О’Брайеном [8] на основе

² Перевод автора.

Poetarum Philosophorum fragmenta Дильса [3, р. 150–153]. Ученый перечислил 24 автора, которые цитируют один или несколько стихов из В 115 D-K, а также упоминает других, чья связь с рассматриваемым текстом предположительна [8, р. 111–114].

Представленный здесь фрагмент реконструирован по изданию Дильса. Несмотря на свою связность, он не свободен от некоторых трудностей для издателей. Тем не менее этот фрагмент ясно показывает, что история вины, изгнания и перевоплощения в смертных телах даймона должна была занимать видное место в философии Эмпедокла. Пророческий и почти апокалиптический тон, которым поэт выражает себя в этих стихах, подтверждает их значимость.

В начале фрагмента представлен «оракул Необходимости» и «указ богов», которому боги приносят клятву. Нарушив его, божество утрачивает свой первоначальный статус и место, начиная определенный период изгнания, в течение которого оно будет вынуждено возродиться (*φρομένους*) во множестве смертных форм. Следует подчеркнуть, что глагол *μεταλλάσσω* в строке 8 имеет важное значение в физическом аспекте философии Эмпедокла. Вариант того же глагола, а именно *διαλλάσσω*, в союзе с существительным *κελεύθους*, в той же метрической позиции, что и в В 115, 8 D-K, используется в В 35, 15 D-K для описания движения четырех корней (элементов реальности) космологических силами Любви (соединения) и Вражды (разделения), приводящего к образованию живых существ. Оба отрывка, таким образом, подчеркивают хаотическое движение, порождающее многообразие и множество: подобно тому, как элементы, меняясь путями, становятся самыми разнообразными формами реальности, существующими в мире, так и виновный бог, «изменяя мучительные пути жизни», со временем станет «множественными смертными формами».

Время, установленное указом, выражается словами *τοῖς ... μυριάς ὄρας*. Ведутся споры о том, какой смысл Эмпедокл вкладывает в термин *ὄρα*: «год» или, более буквально, «сезон» – «время года»? В первом случае мы имеем период в тридцать тысяч лет, во втором – в тридцать тысяч сезонов (времен года), или десять тысяч лет, поскольку у Гомера и Гесиода год состоит всего из трех времен года. Второе толкование представляет собой некоторую параллель между периодом изгнания бога и периодом перевоплощений, которому подвергается душа согласно платоновской теории. Как описано в «Федре», закон Адрастеи предписывает каждой нечистой душе оставаться на земле в течение периода времени, равного десяти тысячам лет³. Как бы это ни толковать, я хотел бы подчеркнуть, что она указывает на хоть и чрезвычайно длительный, но тем не менее определенный

³ Однако человек, который в жизни искренне стремился к мудрости, может надеяться на более быстрое освобождение.

период. С другой стороны, вполне вероятно, что выражение здесь имеет скорее гиперболическую функцию, не забывая при этом, что в трактовке Геродотом теории метемпсихоза перерождение души происходит во временном цикле в три тысячи лет: возможно, не случайно, что и для Геродота, и для Эмпедокла период времени, предназначенный для палингенеза, всегда оказывается числом, кратным трем.

Последующие стихи описывают судьбу виновного бога: он не только изгнан из блаженного места, но и сила эфира бросает его в море, море выбрасывает его на сушу, суша снова бросает его к солнечным лучам, а солнце бросает его в вихри эфира. И все это потому, что он доверился Вражде. Как отмечали ученые, Эмпедокл явно намеревался связать учение об изгнании бога с физическими теориями: ветры и эфир, море, земля и солнце соответствуют четырем «корням», образующим чувственный мир, описанный более строго физическими фрагментами. Описание Вражды также, по-видимому, связано с тем, что мы почерпнули из «Физики»: Вражда – это $\mu\alpha\iota\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ и создатель множественности. Предположу, что здесь Эмпедокл намеревается подчеркнуть, что божество, хотя ему и придется скитаться, перевоплощаясь, среди различных космических масс в течение многих лет, не найдет «дома» ни в одной из них, как бы говоря, что его конечный пункт назначения совершенно отличен от воспринимаемого мира.

Теперь мы переходим к определению вины, за которую бог вынужден «отдаляться от блаженных». Это, прежде всего, преступление крови. В строке 3 вариант $\varphi\omicron\nu\omega\iota$ не приводится в рукописях Плутарха, которые единогласно свидетельствуют о варианте $\varphi\omicron\beta\omega\iota$.

Кровавое преступление, совершенное богами, можно концептуально связать с очистительными практиками, необходимыми для освобождения от цикла перерождений. Эти практики предполагают идеал аскетической жизни – прежде всего через воздержание от кровавых жертвоприношений и употребления определенной пищи, в частности мяса животных, – и подтверждаются Эмпедоклом, посвятившим им целый труд, Пифагором, а также орфиками. Однако, в отличие от того, во что верил Эмпедокл в отношении вины даймона, для орфиков воздержание от кровавых жертвоприношений, хотя и облегчает выход души из цикла перерождений, не препятствует ее «падению» в смертные тела. Фактически для орфиков душа не запятнана сознательным преступлением, но страдает от изначальной и наследственной вины за младенца Диониса, обусловленной преступлением титанов. Поэтому они были наказаны молнией Зевса и сожжены. Из пепла титанов Зевс затем создал человечество. В результате из-за этого пепла, пропитанного кровью Диониса, люди унаследовали титаническую и преступную природу, смешанную, однако,

с божественной⁴. У Эмпедокла же наказанный и изгнанный бог лично и добровольно совершил преступление.

Наиболее убедительной представляется интерпретация, согласно которой «ложная клятва» является не самостоятельным преступлением, а следствием нарушения первоначального «указа богов». Боги определили и скрепили «обширными клятвами» наказание для любого из них, кто совершит убийство. Виновный в таком преступлении нарушает первоначальную клятву и, следовательно, неизбежно должен считаться клятвопреступником. Таким образом, мы имеем дело не с двумя преступлениями, как принято считать среди ученых⁵, а только с одним, за которым обязательно следует наказание, описанное в рассматриваемом стихе.

Последние две строки представляют собой своего рода «поэтическую подпись», где Эмпедокл признает, что он тоже является странствующим даймоном, поддавшись велению Вражды. Эти строки представляют собой важнейший пункт для интерпретации фрагмента не только в рамках философского труда Эмпедокла, но и его мысли в целом. Они, с моей точки зрения, станут окончательным критерием для определения места этого фрагмента и всей так называемой «демонологии» Эмпедокла в его физической поэме. Это расположение, хотя и не однозначно, также предполагается некоторыми из многочисленных свидетельств о стихах В 115 D-K. Теперь мы подробно рассмотрим основные из них.

Свидетельства

Ипполит

Ипполит цитирует фрагмент В 115 в полемике с Маркионом, связывая его с аскетическими практиками, хотя в самом фрагменте эти запреты не упомянуты. В VII книге, главе 30 своего *Refutatio Omnium Haeresium* Ипполит резюмирует все ключевые моменты своей речи, повторяя «обвиняемому», что он лишь подражает учению Эмпедокла, смягчая его выражениями, непосредственно взятыми из Священного Писания. Наиболее интересен для нас момент, касающийся очищающих запретов: именно из него, по утверждению О'Брайена [9, р. 89–106], с уверенностью вытекает информация, для которой Ипполит цитирует стихи фрагмента В 115 D-K. Поэтому давайте рассмотрим текст:

«κωλύεις γαμεῖν», τεκνοῦν, «ἀλέγεσθαι βρωμάτων, ὧν ὁ θεὸς ἔκτισεν εἰς μετάληψιν τοῖς πιστοῖς καὶ ἐλεγκόσι τὴν ἀλήθειαν». τοὺς

⁴ История этого орфического мифа передана поздними источниками, такими как Олимпиодор и Плутарх. По этой причине некоторые ученые считают его поздним вымыслом, созданным для оправдания «падения» души. Но С. Джонстон и Ф. Граф находят убедительные подтверждения того, что эта версия мифа имела хождение в V веке до н. э. [5].

⁵ За исключением Ван дер Бена [17, р. 131].

Ἐμπειδοκλέους λανθάνεις διδάσκων Καθαρμοῦς; [22]

Вы препятствуете браку и деторождению и говорите людям «воздерживаться от употребления пищи, которую Бог создал для верующих и тех, кто знает истину». Вы что, скрываете тот факт, что учите «Очищениям» Эмпедокла?⁶

О’Брайен убежден, что из этих слов следует, что фрагмент В 115 D-K является неотъемлемой частью «Очищений», и что здесь Ипполит приводит название произведения, из которого взят этот фрагмент [9, р. 104–106]. На самом деле вопрос решается не так просто. Даже если бы Ипполит решил здесь сослаться на название одного из двух сочинений Эмпедокла – что само по себе небесспорно, поскольку καθαρμοῦς может также указывать на собирательное название предписаний и заповедей, проповедуемых философом, без точного указания на конкретное произведение, – это не означает, что фрагмент принадлежит «Очищениям». В принципе, богослов действительно мог бы сослаться на это произведение, не столько в связи со стихами В 115 D-K, сколько в связи с теми аскетическими практиками, предписания и нормы которых были собраны в очистительной поэме Эмпедокла. Однако во фрагменте нет ничего, что можно было бы непосредственно отнести к очистительным предписаниям и аскетическим заветам. Все фрагменты, процитированные здесь, следует отнести к «Физике». Дильс придерживался того же мнения, считая все стихи относящимися к «Физике», делая исключение, помимо стихов В 115 D-K, также для фрагмента В 131 D-K, цитируемого Ипполитом в главе 30, 4.

По моему толкованию, Ипполит цитировал – по крайней мере, до стихов, составляющих В 115 D-K, – только фрагменты, взятые из «Физики». Это, конечно, не является доказательством того, что В 115 D-K также происходил из той же поэмы. Однако этот факт, наряду с изложенным выше, позволяет заключить, что свидетельство теолога не является решающим для точного определения происхождения этого фрагмента из «Очищений» Эмпедокла. Поэтому необходимо обратиться к другим свидетельствам.

Симпликий

Симпликий цитирует первые два стиха из фрагмента В 115 D-K в комментарии к отрывку из Аристотеля [18]. Здесь Аристотель критикует Эмпедокла за то, что тот якобы утверждает, что господство и осуществление движения поочередно принадлежат вещам по необходимости. Аристотель критикует аспект мысли Эмпедокла, который мы могли бы назвать «физическим», на основании отсутствия первопричины, которая давала бы на-

⁶ Перевод автора.

чало первому движению. Чтение всего фрагмента показывает, что здесь философ не занимается освещением космической истории чередования Любви и Вражды или рождения и изменения вещей, а описывает историю бога, который, запятив себя виной, теряет свое состояние блаженства, чтобы блуждать и перевоплощаться в смертных существах.

Сразу после стихов В 115 D-K Симпликий цитирует другой фрагмент Эмпедокла – В 30 D-K, который вполне можно отнести к «Физике» Эмпедокла и который имеет отношение к рассуждениям Аристотеля. Сам Аристотель цитировал его в «Метафизике» [20], выражая недовольство тем, что в системе Эмпедокла отсутствует причинное объяснение изменения, о чем говорится и в отрывке из «Физики» самого Аристотеля.

Как объяснить, что Симпликий последовательно процитировал отрывок, не имеющий никакого отношения к аристотелевской полемике, и другой отрывок, который настолько уместен в данном контексте, что присутствует в самом тексте Аристотеля? Я склонен согласиться с интерпретацией О'Брайена [8, р. 73–90; 9, р. 86], согласно которой первая цитата обусловлена словесным совпадением: поскольку Аристотель в своей критике Эмпедокла использует слово *ἀνάγκη*, Симпликий (как и в других местах⁷) решает процитировать два стиха Эмпедокла, в которых на первый план выходит именно роль Необходимости, и, хотя между мотивом аристотелевской полемики и контекстом, из которого взяты эти стихи, нет никакого совпадения, Симпликий тем не менее считает, что таким образом он поддерживает мысль Аристотеля, переписав *ipsissima verba* Эмпедокла. Цитата из В 115, 1–2 D-K, таким образом, служит для демонстрации ведущей роли Необходимости в мысли Эмпедокла, в то время как только В 30 D-K была использована Симпликием для подтверждения критики Аристотеля.

Однако, согласно гипотезе О'Брайена, стихи В 115 D-K были взяты не только из другого контекста, но и из другой поэмы – «Очищений». По мнению О'Брайена, это подтверждается именно тем отрывком из Ипполита, который мы рассмотрели ранее и в котором мы даже можем прочитать название поэмы. Как было показано, свидетельство Ипполита не является решающим для определения с уверенностью происхождения стихов В 115 D-K из «Очищений». Не является решающим и свидетельство Симплиция. Хотя я и склонен полагать, что Симпликий цитирует В 115, 1–2 DK с единственной целью – показать ведущую роль Необходимости в мысли Эмпедокла, фактически переписывая стихи, полностью вырванные из контекста, которого требовал бы аристотелевский критический подход,

⁷ О'Брайен [9, р. 84–85] рассматривает еще один случай, в котором Симпликий, комментируя Аристотеля, цитирует *ipsissima verba* Эмпедокла [19], причем между контекстом цитаты и аристотелевской критикой нет никакой логической связи, а лишь вербальное совпадение.

следует признать, как это делает О'Брайен, что из этого нельзя сделать вывод о происхождении фрагмента из очистительной поэмы, а не из физической. В принципе, Симпликий мог сопоставить цитаты как из двух разных произведений, так и из совершенно разных контекстов одного и того же произведения.

Плутарх

Плутарх цитирует интересные нас стихи в двух отдельных произведениях. Стихи 1, 3, 5, 6, 13 из В 115 D-K цитируются в *De exilio* [28]. Стихи 9–12 цитируются в *De Iside et Osiride* [29].

Стихи, цитируемые в *De exilio*, начинаются так:

ἐν ἀρχῇ τῆς φιλοσοφίας προαναφωνήσας [далее следует цитата] [28]

в начале своей философии, говоря в качестве вступления [далее следует цитата]⁸

Что Плутарх подразумевает под термином «философия», остается предметом дискуссии среди ученых. Достаточно уверенно можно утверждать, что для такого мыслителя, как Плутарх, понятие «философия» могло включать и определять также содержание религиозного и доктринального характера. Таким образом, выражение ἐν ἀρχῇ τῆς φιλοσοφίας, как отмечает О'Брайен, ничего не говорит нам о поэме, из которой происходит фрагмент В 115 D-K.

Единственная достоверная информация, которую можно извлечь из всего этого, заключается в том, что цитируемые Плутархом стихи, вероятно, были взяты из начала одного из двух произведений. Что касается причастия προαναφωνήσας – Ван дер Бен [17] отмечает, что приставка προανα- всегда обозначает понятие «предварительного», т. е. того, что говорится или совершается до основного действия, как бы в качестве прелюдии. Таким образом, Плутарх, вероятно, хотел подчеркнуть приоритет этих стихов по отношению к теме поэмы, как прелюдию к изложению, т. е. настоящие вступительные стихи.

Строки 9–12 цитируются в *De Iside et Osiride* [29] и вводятся следующим образом:

Ἐμπειδοκλῆς δὲ καὶ δίκας φησὶ δίδοναι τοὺς δαίμονας ὧν <ἀν>
ἐξαμάρτωσι καὶ πλημμελήσωσιν [далее следует цитата] ἄχρι οὗ
κολασθέντες οὕτω καὶ καθαρθέντες αὐθις τὴν κατὰ φύσιν χώραν
καὶ τάξιν ἀπολάβωσι [29].

⁸ Перевод автора.

Эмпедокл говорит, что даймоны искупают свои ошибки и проступки [далее следует цитата], пока, после такого наказания и очищения, не обретут разум и порядок, которые им полагаются по природе⁹.

В работе 1981 года О’Брайен [8] цитировал именно этот комментарий как «решающий фактор» при определении принадлежности стихов Эмпедокла, указывая на причастие *καθαρθέντες* как на доказательство происхождения указанного фрагмента из «Очищений». По мнению ученого, на этом основании можно было бы определить еще один критерий для решения о принадлежности фрагментов Эмпедокла тому или иному произведению: все фрагменты, снабженные словами и терминами, относящимися к очистительным обрядам, должны быть отнесены к «Очищениям».

Однако публикация Страсбургского папируса показала несостоятельность такого критерия: фрагмент В 139 D-K, цитируемый Порфирием в «De Abstinencia» [30] и введенный следующими словами: «поскольку никто не свободен от вины, единственное, что им остается, – это исправить ситуацию посредством очищения (*διὰ τῶν καθαρῶν*)», принадлежит первой книге «Физики» Эмпедокла [3, собрание d, ст. 5–6]. Однако вовсе не обязательно стихи, которые можно отнести к учению о перерождении и аскетическим практикам Эмпедокла (и поэтому связанные в древних источниках через использование глаголов типа *καθαίρω* или подобных выражений с практиками очищения), должны по своей природе найти место в очистительной поэме. Как показывает случай В 139 D-K, в «Физике» можно найти и другой тип учения, который легко можно было бы связать с очистительными практиками, которыми славился Эмпедокл.

«Физика» или «Очищения»?

Из всего вышесказанного пока нельзя с уверенностью сказать, относится ли фрагмент В 115 D-K к физической поэме или к очистительной. Свидетельство Ипполита не является в этом смысле решающим, как считает О’Брайен, поскольку, как мы видели и в других фрагментах Эмпедокла, древние могли связывать некоторые выражения или стихи из «Физики», которые намекают на склонность Эмпедокла к аскетическим практикам (даже там, где они явно не выражены), с очистительной практикой философа. Все, что составляло вину и повод для сетования и подразумевало запрещение или отказ, обычно связывали с понятием «очищения». Свидетельства Симпликия и Плутарха говорят нам еще меньше. Первый, как мы видели, цитирует начальные стихи В 115 D-K с целью подчеркнуть важность Необходимости в мысли Эмпедокла. Второй сообщает нам, что дан-

⁹ Перевод автора.

ный фрагмент занимал вступительную часть, не говоря о произведении, из которого он был извлечен.

В такой неопределенной ситуации, когда свидетельства противоречивы и малопонятны, было бы нецелесообразно предлагать новую принадлежность фрагмента той или иной поэме. С другой стороны, это важно в контексте так называемой «демонологии». С моей точки зрения, решающим фактором для отнесения фрагмента является не столько комментарии свидетелей, сколько сами слова Эмпедокла. Именно последние строки В 115 D-K указывают на принадлежность фрагмента к поэме о физике, как уже было отмечено Седли [15, р. 9–10] и Сасси [14, р. 235]:

и теперь я тоже один из них, изгнанник богов и странник,
за то, что доверился безумной Вражде¹⁰ [3].

Приписав эти стихи «Очищениям», как это делают Дильс, О’Брайен и другие, мы столкнулись бы с парадоксом. Во вступительном фрагменте «Очищений», который мы знаем благодаря свидетельству Диогена Лаэртского [21], читаем:

О друзья, обитающие на священной скале у золотистого Акраганта
на вершине города, вы, которые совершаете великие дела управления,
достойные почитания гостей, не знающих зла,
приветствую вас! Я среди вас, бессмертный бог, больше не смертный,
блуждаю, удостоенный всех почестей,
опоясанный повязками и венками из цветов,
и когда я блуждаю среди них в процветающих городах,
все, мужчины и женщины, почитают меня: и следуют за мной
тысячами, чтобы узнать, каков путь к приобретению,
и одни нуждаются в предсказаниях, другие, пронзенные горькими страданиями,
давно желают услышать ответы,
исцеляющие от болезней всякого рода¹¹ [21].

Эмпедокл, обращаясь ко всему сообществу Акрагант, представляет себя как бога, уже не смертного, окруженного повязками и венцами, всеми почитаемого. Он обладает способностью давать ответы, которые, с одной стороны, могут служить руководством в хозяйственных делах повседневной жизни, а с другой – исцелять от физических и духовных страданий. Эмпедокл представляет себя как обладателя блаженного состояния – со-

¹⁰ Перевод автора.

¹¹ Перевод автора.

вершено отличного от того, которое описано в фрагменте В 115 D-K, где он виновен и поэтому наказан, страдает от состояния, чуждого его истинной природе, и вынужден перерождаться во всех возможных смертных формах.

Было бы по меньшей мере странно обнаружить в одной и той же поэме фрагмент В 112 D-K, в котором настоящее существование Эмпедокла явно описывается как блаженное, и такой, как В 115 D-K, в котором, напротив, с помощью глагола в настоящем времени (εἶμι), усиленного наречием ὄν, Эмпедокл сетует на свое настоящее состояние, в котором он является изгнанным и наказанным божеством «за то, что доверился безумной Вражде».

Я хотел бы подчеркнуть, что благодаря Страсбургскому папирусу мы можем с уверенностью утверждать, что Эмпедокл в «Физике» представлял себя в состоянии страдания, вызванного виной. Мы знаем, что фрагмент В 139 D-K, каталогизированный во всех исследованиях до 1999 года среди фрагментов «Очищений»¹², является частью первой книги «Физики»¹³. В новом контексте можно оценить включение двух стихов в отрывок, в котором поэт, описывая переменчивые судьбы живых существ, останавливается, чтобы поразмышлять о своем жалком положении и положении других людей: Вражда, вызванная упоминанием гарпий, приближается с предзнаменованиями смерти¹⁴. Эмпедокл раскрывает читателю свое личное участие в болезненных событиях, которые затрагивают всех живых существ и вообще материальные вещи. Папирус показывает нам, что эти два стиха являются краткими порывами поэта, который только сейчас, когда уже слишком поздно, осознает, что совершил «позорные поступки», за которые теперь страдает, в то время как, если бы он умер до того, как их совершил, сейчас он наслаждался бы гораздо лучшим положением. Соединив свидетельство Strasb. d 5–6 с тем, что мы знаем из других фрагментов Эмпедокла, мы можем утверждать, что Эмпедокл не соблюдал запрет на некоторые запрещенные продукты (например, мясо животных) и поэтому теперь вынужден страдать.

Можно увидеть точки соприкосновения между Strasb. d 5–6 и В 115 D-K. Так же как в первом фрагменте Эмпедокл наказан за несоблюдение пищевого запрета, так и божество из В 115 D-K наказывается за совершение проступка, который приравнивается к кровавому преступлению. Эмпедокл из-за совершенного проступка участвует в болезненных событиях космического цикла. Точно так же наказание бога из В 115 D-K предусматривает утрату состояния блаженства и вступление в цикл перерождений.

¹² По крайней мере, после издания «Vorsokratiker» Дильса.

¹³ Собрание D, 5–6.

¹⁴ Strasb. d, 3–4.

В стихах собрания D упоминается о состоянии, которое может быть лучше, если не совершать проступков, – и в В 115 D-K не только есть упоминание о первоначальном блаженстве, которым наслаждается божество, свободное от проступков, но и само установление конкретного периода странствий подчеркивает, что состояние изгнания не является вечным.

На этом этапе мы можем сделать вывод, что образ, который Эмпедокл дает в физической поэме, является образом божества, которое запятнало себя виной и вынуждено перерождаться в многочисленных смертных формах. Эмпедокл осознает свое состояние и страдает от этого, сожалея о том, что не смог избежать совершения преступления.

При анализе речи Эмпедокла нельзя не заметить следующую странность: тот, кто публично провозглашает себя перед всем городом бессмертным богом, почитаемым и уважаемым всеми, через несколько стихов говорит, что он одновременно виновен и наказан за то, что доверился Вражде. Эмпедокл сообщает, что он является частью божественной природы, но уточняет, что это не означает причастности тому же состоянию. В стихах В 115 D-K, как и в других, называемых «демонологическими», обстоятельства, в которых находится Эмпедокл, описываются совершенно иначе, чем во фрагменте В 112 DK. Здесь состояние блаженства, которое в В 115 D-K было утрачено в результате преступления, кажется полностью восстановленным, до такой степени, что оно очевидно и узнаваемо для тех, кто, вступив в контакт с Эмпедоклом, чтит и почитает его, как подобает богу. В этом смысле фрагмент В 112 D-K можно также соотнести с фрагментом В 146 D-K, цитируемым Климентом Александрийским [23]:

И в конце концов они становятся провидцами, поэтами, врачами
и вождями для людей, населяющих землю;
из них происходят боги, всех превосходящих почестями¹⁵ [23].

Этот фрагмент описывает последнюю ступень в лестнице перерождений. Виновное и изгнанное божество может воплотиться в теле любого живого существа, будь то животное или растение. Начав свой путь очищения, оно будет продвигаться по восходящей лестнице перерождений, которая закончится, когда оно воплотится в теле провидца, поэта, врача или вождя. Этот фрагмент часто связывают с фрагментом Пиндара [24], цитируемым Платоном [26] в контексте палингенеза:

Те, от которых Персефона принимает искупление
древней боли, их души она вновь посылает к солнцу, вверх,
на девятый год; из них вырастают благородные цари

¹⁵ Перевод автора.

и люди, быстрые по силе и великие по мудрости;
и на все времена грядущие люди называют их чистыми героями¹⁶ [26].

Сходство между этими двумя фрагментами настолько заметно, что некоторые ученые даже предположили, что стихи Эмпедокла могли быть заимствованы из Пиндара¹⁷, что, на мой взгляд, маловероятно. Скорее это сходство основано на общих мистических учениях, которые были распространены в Великой Греции VI–V веков до н. э. В то время как у Пиндара есть упоминание о древней боли, которую, по мнению некоторых ученых, следует отождествлять с убийством Диониса титанами, за которое души просят искупления, боги Эмпедокла виновны в преступлении, которое они сами добровольно совершили и которое могло быть предотвращено. Для Пиндара, как и для орфической традиции, которая, возможно, лежит в основе его фрагмента, все души виновны в грехе предков, не совершенном лично, но унаследованном от праха титанов, плодом которых являются люди. Ничего из этого, на мой взгляд, нельзя утверждать в отношении истории изгнанного даймона¹⁸.

Так же как фрагмент Эмпедокла сообщает, кого следует считать выходящими за пределы круга воплощений и, следовательно, более не смертными, фрагмент Пиндара представляет будущих *ἥροες ἀννοί* человечества: цари, атлеты и мудрецы. Однако, искупив свою вину, они не возвышаются до статуса бессмертных божеств, что, вероятно, было невысказано для Пиндара, для которого дихотомия между человеком и богом была непреодолима¹⁹. Эти выдающиеся люди в конце концов станут лишь «героями». Для Платона приведение иерархической лестницы в соответствие с его мыслью становится еще более очевидным в связи с его идеей о возвышении философов и унижении поэтов [27].

Эмпедокл, как он представлен в В 112 D-K, воплощает в себе все возможные окончательные инкарнации: поэт, который также является предсказателем, поскольку дает указания для благополучного ведения государственных и частных дел; врач, способный давать исцеляющие ответы; и лидер для народа, не только потому, что его почитает целый город Акрагант, но и потому, что, как мы узнаем из некоторых поздних свидетельств, он, вероятно, играл ведущую роль в политической жизни своего города,

¹⁶ Перевод автора.

¹⁷ См. Руокко: «Вероятно, именно Пиндар послужил образцом, которым вдохновлялся Эмпедокл при сочинении стихов, упорядоченных Дильсом в В 146» [12, р. 197].

¹⁸ Как отметил Сантабелло [13, р. 344], еще одно различие между фрагментами Пиндара и Эмпедокла заключается в том, что Эмпедокл недвусмысленно указывает на вину божества, в то время как у Пиндара она остается лишь намеком.

¹⁹ См., например, Пиндар [24] и рассуждения Феррари [4, р. 83] о «незрелой мудрости» в концепции Пиндара.

имея демократические идеи, которые привели его к отказу от титула тирана Акраганта²⁰.

Самопровозглашение поэта богом перед жителями Акраганта прозвучит в ушах современников как богохульство, актом ἕβρις невиданной тяжести, потому что человек может молиться богам или проклинать их, но никогда не может пересечь ту грань, которая делает бога высшим существом, а человека – эфемерным, находящимся во власти времени. Я также не считаю, что подобное заявление можно отнести к учению о метемпсихозе, исповедуемому Эмпедоклом. Он не просто осознает, что имеет ψυχή, которое после смерти может надеяться обитать на острове Блаженных²¹, но и прямо заявляет, что он бог, временно сосланный на землю. В этой связи я хотел бы упомянуть об одном важном различии между провозглашением Эмпедоклом божественности и данными, полученными из текстов некоторых орфических текстов, в частности золотых листов, найденных в Фурии²² и Пелинне²³. Свидетельства, полученные из первых, показывают, что посвященный, уже отбыв наказание за несправедные поступки, может достичь «чистоты среди чистых» и заявить о своей принадлежности к блаженному роду.

Из одной из них, найденной в небольшом тимпане в Фурии, мы получаем еще одну важную информацию: душа улетела из «тяжелого круга страданий». Две пластины из Пелинны также демонстрируют то же понимание бессмертия, обращаясь к умершему как к «блаженному». Золотые пластины свидетельствуют об учении о метемпсихозе в ее решающий момент, когда умерший, предположительно посвященный в тайны, выходит из цикла перерождений и поднимается до блаженного состояния бессмертного существа. Подобные выражения со стороны души умершего, как читается на листах из Гиппониона, Петелии, Фарсала и на более поздних листах из Элефтерны²⁴, свидетельствует о явном намерении провозгласить свою божественность, утверждая свое происхождение от божественного рода. И именно через аналогии, которые были подчеркнуты, проступает главное различие между Эмпедоклом и посвященными орфиками: последние верят, что могут обрести божественный статус только по-

²⁰ См. свидетельство, например, Диогена Лаэртского [21].

²¹ Вера в то, что наградой за заслуги души после отбытия наказания может быть пребывание на островах блаженных, обнаруживается у Пиндара в «Олимпийских стихах» [25]. Золотая пластинка из Петелии также подтверждает это: «ты будешь царствовать с героями» (ст. 11). Гесиод в «Трудах» представляет острова блаженных как место обитания героев после смерти.

²² Разбор этих текстов см. Pugliese-Carratelli [10, p. 98–113]: листы группы II (A, 1–2 и B, 1–2). Что касается взаимосвязи между Эмпедоклом и орфическими учениями, см. Ридвега [11]. Бернабе [2] рассматривает эту тему в более общем контексте взаимосвязи между орфизмом и досократовской философией.

²³ См. Pugliese Carratelli [10, p. 114–120]: пластинки группы II (B, 3–4).

²⁴ См. Pugliese Carratelli [10, p. 39–77]: пластинки группы I (A-B-C).

сле смерти, так же как «герои» Пиндара, в то время как Эмпедокл провозглашает себя богом еще при жизни. Это делает его заявление абсолютно новым и еще более «скандальным».

Заключение

Проведенное исследование позволяет пересмотреть устоявшуюся локализацию фрагмента В 115 D-K. Сопоставление двух моделей самопрезентации Эмпедокла – страдающего изгнанника-даймона в В 115 и прославленного бессмертного бога в В 112 – демонстрирует их содержательную несовместимость в рамках одного произведения. Поскольку фрагмент В 112 с абсолютной надежностью относится к «Очищениям», это делает невозможным нахождение В 115 в той же поэме. Анализ внешних свидетельств подтверждает этот вывод: ни Ипполит, ни Симпликий, ни Плутарх не предоставляют решающих доказательств в пользу принадлежности фрагмента к «Очищениям». Напротив, свидетельство Плутарха о вступительном характере стихов и данные Страсбургского папируса, показавшие тему вины и искупления в первой книге «Физики», создают прочный контекст для включения в нее и фрагмента В 115.

Таким образом, фрагмент В 115 D-K и связанное с ним повествование о падшем даймоне следует рассматривать как органичную часть пролога к «Физике». Это позволяет преодолеть искусственную дихотомию между «религиозным» и «научным» аспектами учения Эмпедокла, навязанную классификацией Дильса. История изгнания и странствий даймона оказывается не чуждым физическому дискурсу элементом, а выполняет в нем философскую функцию, становясь антропологической и экзистенциальной основой для последующего изложения космологии. Личная драма философа, осознающего свою божественную природу и одновременно вину, приведшую к изгнанию в материальный мир, служит моделью для понимания всеобщего закона, управляющего универсумом: циклического движения соединения и разъединения под действием Любви и Вражды.

Литература / References

1. Bergk Th. *Commentatio de Empedoclis prooemio*. Berlin, 1839, pp. 3–34.
2. Bernabé A. «Orphisme et Présocratiques: bilan et perspectives d'un dialogue complexe». *Qu'est-ce que la Philosophie Présocratiques? = What is Presocratic Philosophy?* Éd. par A. Laks et C. LouguetLille, 2002, pp. 205–247.
3. Diels H. *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Griechisch und Deutsch. Berlin, Weidmann, 1903. 601 p.
4. Ferrari F. *La fonte del cipresso bianco*. Torino, 2007. 198 p.
5. Graf F., Johnston S.I. *Ritual Texts for the Afterlife: Orpheus and the Bacchic Gold Tablets*. London, Routledge, 2007. 256 p.

6. Karsten S. *Philosophorum graecorum veterum praesertim qui ante Platonem floruerunt operum reliquiae*. Amsterdam, 1838. 582 p.
7. Mullach F.G.A. *Fragmenta philosophorum Graecorum*. Paris, 1860. 624 p.
8. O'Brien D. *Pour interpréter Empédocle*. Paris, Leiden, 1981. 152 p.
9. O'Brien D. Empedocles: The wandering daimon and the two poems. *Aevum Antiquum* N.S. 1. Milano, 2001, pp. 79–179.
10. Pugliese-Carratelli G. Le lamine d'oro orfiche: istruzioni per il viaggio oltremontano degli iniziati greci. – Milano, Adelphi, 2001. – 128 p.
11. Riedweg Ch. Orphisches bei Empedokles. *Antike und Abendland*, 1995, vol. 41, pp. 34–59.
12. Ruocco E. Daimon, Sphairos, Ananke. Psicologia e teologia in Empedocle. *Forme del sapere nei Presocratici*. A cura di A. Capizzi, G. Casertano. Roma, 1987, pp. 187–221.
13. Santaniello C. Il demone di Empedocle. *Potere e religione nel mondo indo-mediterraneo tra ellenismo e tarda antichità*. A cura di G. Gnoli, G. Sfameni Gasparro. Roma, 2009, pp. 329–361.
14. Sassi M.M. *Gli inizi della filosofia: in Grecia*. Turin, Bollati Boringhieri, 2009. 307 p.
15. Sedley D. *Lucretius and the transformation of Greek wisdom*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 234 p.
16. Sturz M.F.G. *Empedocles Agrigentinus: De vita et philosophia eius exposuit, carminum reliquias ex antiquis scriptoribus*. Leipzig, 1805. 775 p.
17. Van der Ben N., ed. *The Proem of Empedocles' Peri Physios. Towards a new Edition of all the Fragments*. Amsterdam, 1975. 230 p.

Источники

1. Aristotle. The Physics // Internet Archive. – 8. 1. 252 a 5–19. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.183335/page/30/mode/2up> (accessed: 22.08.2025).
2. Aristotle. The Physics // Internet Archive. – 330, 31–331, 16. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.183335/page/30/mode/2up> (accessed: 05.10.2025).
3. Aristotle. The Metaphysics // Internet Archive. – B 4 1000b 12–17. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.185284> (accessed: 03.11.2025).
4. Diogenes Laertius. Lives of the Eminent Philosophers // The University of Chicago. – VIII, 54, 62, 64, V, 1-2. – URL: https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Diogenes_Laertius/Lives_of_the_Eminent_Philosophers/8/Empedocles*.html (accessed: 14.10.2025).
5. Hippolytus. Refutatio Omnium Haeresium // Internet Archive. – VII, 30, 2. – URL: <https://archive.org/details/shippolytirefuta00hipp/page/24/mode/2up> (accessed: 27.09.2025).
6. Clement of Alexandria. Stromata // Internet Archive. – IV, 150 (II 314, 25 St.). – URL: <https://archive.org/details/clemensalexandri02clem/mode/2up> (accessed: 07.11.2025).
7. Pindar. Snell-Maehler // Internet Archive. – 61, 133. – URL: https://archive.org/details/pindaricarminacu0000pind_y9m1 (accessed: 15.08.25).

8. *Pindar*. *Olympian Odes* // Internet Archive. – II, стр. 68–73. – URL: <https://archive.org/details/L056PindarIOlympianPythianOdes/mode/2up> (accessed: 19.09.2025).

9. *Plato*. *Meno* // Internet Archive. – 81 b-c. – URL: <https://archive.org/details/menostoc00platuoft/page/n25/mode/2up> (accessed: 01.11.2025).

10. *Plato*. *Phaedrus* // Perseus Scaife Viewer. – 248 d-e. – URL: <https://scaife.perseus.org/reader/urn:cts:greekLit:tlg0059.tlg012.perseus-grc2:247-251> (accessed: 11.09.2025).

11. *Plutarch*. *De exilio* // Perseus Scaife Viewer. – 17, 607c. – URL: <https://scaife.perseus.org/reader/urn:cts:greekLit:tlg0007.tlg110.perseus-grc2:16-17> (accessed: 09.11.2025).

12. *Plutarch*. *De Iside et Osiride* // Perseus Scaife Viewer. – 26, 361c. – URL: <https://scaife.perseus.org/reader/urn:cts:greekLit:tlg0007.tlg089.perseus-grc2:26-30> (accessed: 03.09.2025).

13. *Porphyrus*. *De Abstinencia* // Perseus Scaife Viewer. – II, 31. – URL: <https://scaife.perseus.org/reader/urn:cts:greekLit:tlg2034.tlg003.1st1K-grc1:2.31-2.35> (accessed: 12.11.2025).

Статья поступила в редакцию 01.12.2025.

Статья прошла рецензирование 15.01.2026.

The article was received on 01.12.2025.

The article was reviewed on 15.01.2026.